

СЕРГЕЙ
МАСЛЕННИКОВ

ГОРДОСТЬ

Человек, страдающий гордостью, постепенно приобретает характер и нрав сатаны. В некоторых гордость проявляется в грубой, вызывающей форме и может быть легко обнаружена, а в ком-то она спрятана так глубоко, что увидеть ее очень трудно. Часть грехов рождающихся от этой страсти, вообще не считаются грехами, а кое-какие из них признаются полезными и люди специально развивают их в себе.

Если ум человека поражен этой смертельной болезнью, то он не может видеть своих грехов: гордость ослепляет душу. Как обнаружить в себе эту «демонскую твердыню» и победить ее? Об этом читатель узнает из творений святых Отцов, помещенных в начале книги и из простых современных жизненных примеров, находящихся в Приложении.

Сергей Масленников

Гордость

Предисловие

Опасная особенность гордости заключается в том, что она удобно подпитывается от тщеславия, которое, в свою очередь, может возрастая при «победах» человека над остальными страстями: чревоугодием, блудом, сребролюбием, гневом и прочими. «Победы» эти, чаще всего, не основательные, а поверхностные, но легко создающие впечатление успеха в духовной брани, — от чего и появляется самодовольство. В действительности же, и грубые страсти еще не надломлены, и тщеславие активно развивается.

К сожалению, самостоятельно невозможно будет определить, что мы медленно втягиваемся в страшную гибель, потому что гордость помрачает ум, и он делается неспособным видеть грехи. По этой причине на занятиях воскресной школы нередко слышится вопрос: «А как видеть грехи свои?» Это спрашивают люди, которые ходят в храм по несколько лет, которые живут спокойной, размеренной, даже порой одинокой жизнью, и им, казалось бы, ничего не мешает вести духовную борьбу, они могут много читать, посещать занятия,

встречаться со священником, то есть неослабно идти по пути спасения. И вдруг недоумение: «Как замечать грехи? Как их различать? Как их видеть?» Это явный признак того, что в человеке продолжает жить и увеличивается гордость. Она и не дает видеть своих грехов. Собственно говоря, радуясь успехам в борьбе с грубыми грехами, мы подпитываем тщеславие, а от него возрастает гордость, которая ослепляет ум, и мы не различаем других грехов, кроме смертных, уже побежденных, и не знаем, как и с чем дальше бороться. От этого и рождается странное мнение: «Не согрешишь, не покаешься». Как будто для подлинного покаяния нужно непрестанно грешить смертными грехами. Нет! Надо освобождать ум от гордости, и он увидит великое море грехов. От этого видения покаяние будет постоянным, а главное, оно будет возрастать до Небесного Царства. Итак, желающий себе спасения пусть разберется с собственными страстями основательно и обязательно распознает самую опасную из них — гордость, как и в чем она проявляется, чтобы, исцелившись от слепоты, научиться вести искреннюю борьбу со всеми страстями — болезнями человеческой души.

Несколько слов о структуре книги. В начало рассмотрения страсти гордости представлены выдержки из творений святых отцов Церкви. К ним, в качестве скромного приложения, предлагаются

пояснения с примерами, которые в духовном смысле соответствуют мнению подвижников благочестия, но изложены современным, а потому более доступным и понятным языком, что поможет в усвоении темы.

Некоторые фразы и предложения в тексте выделены, желательно обратить на них внимание и запомнить, хотя принять изложенное не всегда бывает легко. Но вера, имеющая в своей основе ложные понятия, разве приведет ко спасению?

Остается пожелать внимательному читателю, с упованием на Бога, усердно и терпеливо применять в жизни новые знания. Господь да поможет!

Святой Иоанн Кассиан Римлянин¹ Борьба с духом гордости

132. Восьмая и последняя брань предлежит нам с духом гордости. Страсть эта, хотя в порядке изображения борения со страстями полагается последнею, но по началу и времени есть первая. Это самый свирепый и самый неукротимый зверь,

¹ Добротолюбие. В 5 тт. Т. 2. М.: Сибирская Благовонница, 2010. С. 81–92. Нумерация сохранена как в оригинале.

нападающий особенно на совершенных и с лютым грызением пожирающий их, когда они достигают почти уже самой вершины добродетелей.

133. **Гордости два рода: первый тот, которым, как сказали мы, поражаются мужи высокой духовной жизни; а другой захватывает новоначальных и плотских.** И хотя оба эти рода гордости воздымает пагубное возношение как пред Богом, так и пред людьми, однако тот **первый прямо относится к Богу, а второй собственно касается людей**. Начало сей последней и средства против нее мы исследуем, если Бог даст, в последних главах сей книги, а теперь о той первой, которую искушаются, как мы выше сказали, преимущественно совершенные, намерение у нас есть не много порассудить.

134. Нет никакой другой страсти, которая бы так истребляла все добродетели и так обнажала и лишала человека всякой праведности и святости, как эта злая гордость: она, **как всеобъемлющая некая зараза**, не довольствуется расслаблением одного какого члена или одной части, но все тело повреждает смертельным расстройством и стоящих уже на высоте добродетелей покушается низвергнуть крайне тяжким падением и сгубить. Всякая другая страсть довольствуется своими пределами и своею целью, и хотя тревожит и другие добродетели, однако против одной главным

образом направляется, ее преимущественно теснит и на нее нападает. Так, чревоугодие, то есть страсть к многоедению или сладкоедению, портит строгое воздержание, похоть оскверняет чистоту, гнев прогоняет терпение. Так что иногда преданный одной какой-либо страсти не совсем бывает чужд другим добродетелей, но по сгублению той одной добродетели, которая падает от ревниво вооружившейся против ней противоположной ей страсти прочие может хотя отчасти удерживать, а эта, коль скоро овладеет бедною душою, то, как какой-нибудь свирепейший тиран, по взятии самой верхней крепости добродетелей (смирения) весь их город до основания разрушает и разоряет. Высокие некогда стены святости сравняв и смешав с землею пороков, никакому уже потом знаку свободы в душе, ему покоренной, не попускает он остаться. **Чем более богатую пленит он душу, тем более тяжкому игу рабства подвергает ее, обнажив от всего имущества добродетелей с жесточайшим ограблением.**

135. Желаете ли точнее узнать меру силы этого жесточайшего тирана, приведем себе на память, как такой ангел, которого за чрезмерность его блеска и красоты называли Люцифером, низвергнут с неба не за другое что, как за эту страсть, и как он, уязвленный стрелою гордости, из такого высшего чина блаженных Ангелов ниспал в

преисподнюю. Итак, если такую бесплотную силу, украшенную столь значительными преимуществами, **одно возношение сердца** могло низринуть с неба на землю, то с какой бдительностью надобно остерегаться сего нам, облеченным брэнной плотью, это показывает великость того разрушительного падения. А как нам избежать пагубнейшей заразы этою страстью, сему можем научиться, проследив начало и причины сказанного падения. **Ибо нельзя врачевать какую-либо немочь или определять лекарства против каких-либо болезней, если наперед внимательным изысканием не будут исследованы их начала и причины.** Этот (Архангел), одетый Божественной светлостью, сияя паче других высших сил по щедродательности Создателя, возомнил, что этим блеском премудрости и этою красотою добродетели, какими украшался по благодати Творца, обладает он естественными своими силами, а не по великодаровитости Божией. И вознесшись по сей причине, почел себя равным Богу, как ни в чем не имеющий нужды, подобно Богу, — как будто для пребывания в такой чистоте не имел он нужды в Божественной помощи. Так всецело положился он на силу своего свободного произволения, веря, что ею одною будет ему в избытке доставляемо все, потребное для полного совершенства в

добродетелях и для непрерывности верховного блаженства. **Это одно помышление сделалось для него первою причиною пагубного падения.**

За нее будучи оставлен Богом, в Котором почел себя не имеющим нужды, и тотчас сделавшись от того неустойчивым и влающим, он и немощность собственной своей природы почувствовал, и блаженство, которым по дару Божию наслаждался, потерял. Так, поелику возлюбил он глаголы потопные, в коих величаясь говорил: *взыду на небо* (Ис. 14, 13), *и язык льстив*, коим, себя обманывая, говорил: *и буду подобен Вышнему*, как потом обманул Адама и Еву, внушая им: *будете яко бози*, то вот ему приговор: *сего ради Бог разрушит тя до конца, восторгнет тя, и преселит тя от селения твоего. Узрят праведнии, и убоятся, и о нем воссмеются, и рекут: се человек, иже не положи Бога помощника себе, но упова на множество богатства своего, и возможе суетою своею* (Пс. 51, 6–9). Последние слова (*се человек*) весьма справедливо могут быть обращаемы и к тем, которые надеются достигнуть высшего блага без Божия покрова и помощи.

136. Вот причина первого падения и начало главной страсти, — которая потом чрез того, кто первый был ею уязвлен, вкравшись в первозданного, **произрастила все множество страстей**. И он, — первозданный, — поверив, что

одною силою своего свободного произволения и своими усилиями может достигнуть славы Божества, потерял и ту, которую получил по благодати Создателя.

137. Так примерами и свидетельствами Святого Писания наияснейше доказывается, что страсть гордости, несмотря на то что в порядке духовных браней есть самая последняя, **по началу, однако, есть самая первая и есть источник всех грехов и преступлений**. Она, не как прочие страсти, не одну только противоположную себе добродетель губит, то есть смирение, но **есть губительница и всех вместе добродетелей** и искушает не каких-нибудь посредственных и ничтожных, а особенно таких, которые стоят на высоте могущества. Ибо так упоминает о сем духе пророк: *пищи его избранные* (Авв. 1, 16). Посему и блаженный Давид, хотя с таким вниманием оберегал тайники своего сердца, что к Тому, от Кого не сокрыты были тайны его совести, с дерзновением возглашал: *Господи, не вознесется сердце мое, ниже вознесется очи мои, ниже ходих в великих, ниже в дивных паче мене* (Пс. 130, 1); и еще: *не живяше посреде дому моего творяй гордыню* (Пс. 100, 7); однако зная, как трудно даже и для совершенных уберечься от всякого движения сей страсти, не полагался в сем на одни свои усилия, но в молитве испрашивал помощи у

Господа, да даст ему избежать уязвления стрелою сего врага, говоря: *да не придет мне нога гордыни* (Пс. 35, 12), (т. е. не дай мне, Господи, сделать какой шаг по внушению гордости), боясь и страшась, как бы не подвергнуться тому, что говорится о гордых: *Бог гордым противится* (Иак. 4, 6); и еще: *не чист пред Богом всяк высокосердый* (Притч. 16, 5).

138. Сколь великое зло есть гордость, когда для противостояния ей мало Ангелов и других противных ей сил, но для сего воздвигается Сам Бог! Заметить надобно, что Апостол не сказал о тех, которые опутаны прочими страстями, что они имеют противящимся им Бога, то есть не сказал: Бог чревоугодникам, блудникам, гневливым или сребролюбцам противится, но одним гордым. Ибо те страсти или обращаются только на каждого из погрешающих ими, или по-видимому пускаются на соучастников их, то есть других людей; а **эта собственно направляется против Бога, и потому Его особенно и заслуживает иметь противником себе .**

139. Сетей этого непотребнейшего духа можем мы избежать, если о каждой из добродетелей, в которых чувствуем себя преуспевающими, будем говорить с Апостолом: *не аз, но благодать Божия яже со мною* , и: *благодатью Божией есмь, еже есмь* (1 Кор. 15,

10), — и: *Бог есть действующий в нас, и еже хотети и еже деяти о благоволении* (Флп. 2, 13), — как говорит и Сам Совершитель нашего спасения: *иже будет во Мне, и Аз в нем, тойсотворит плод много: яко без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5) и припевает Псаломник: *аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии: аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий* (Пс. 126, 1). И ничья из хотящих и текущих воля не достаточна к тому, чтобы облеченный воюющею против духа плотью мог без особенного покрова Божественного милосердия достигнуть совершенной чистоты и непорочности и за то удостоиться получить то, чего так сильно желает и к чему так течет. Ибо *всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть сходяй от Отца Светов* (Иак. 1, 17); *Что бо имаши, егже неси приял? Аще же и приял еси, что хвалишися, яко не приемь* (1 Кор. 4, 7).

140. Я говорю это не с тем, чтоб, уничижая человеческие усилия, хотел отклонить кого-либо от заботливого и напряженного труда. Напротив, я решительно утверждаю — не моим мнением, но старцев, — что совершенство без них никак не может быть получено, и ими одними без благодати Божией оно никем не может быть доведено до надлежащей степени. **Ибо мы как говорим, что усилия человеческие сами по себе без помощи**

Божией не могут его достигнуть, так утверждаем, что благодать Божия сообщается только трудящимся в поте лица или, говоря словами Апостола, даруется только хотящим и текущим, судя и по тому, что в 88-м псалме поется от лица Божия: *положих помощь на сильного, вознесох избранного от людей* (ст. 20). Хотя по слову Господа говорим мы, что просящим дается, толкущим отвергается и ищущими обретается, но прошение, искание и толкание сами по себе не дозволительны к тому, если милосердие Божие не даст того, чего просим, не отверзет того, во что толкаем, и не даст найти то, что ищем. **Оно готово даровать нам все это, как только мы дадим ему к тому случай привнесением своей доброй воли,** ибо гораздо более, чем мы, желает и ожидает нашего совершенства и спасения. И блаженный Давид так глубоко сознавал невозможность получить успех в своем деле и труде собственными только усилиями, что удвоенным прошением просил сподобиться, да Господь Сам исправит дела его, говоря: *и дела рук наших исправи на нас, и дело рук наших исправи* (Пс. 89, 17), и опять: *укрепи Боже сие, еже соделал еси в нас* (Пс. 67, 29).

141. Итак, надлежит нам так стремиться к совершенству, прилежа постам, бдениям, молитвам, сокрушению сердца и тела, чтоб, надымаясь гордостью, не делать всего этого напрасным. Мы

должны верить, что не только самого совершенства не можем достигнуть собственными усилиями и трудами, но и то самое, в чем упражняемся для достижения его, то есть подвиги и разные духовные делания, не можем как должно совершить без помощи благодати Божией .

142. Мы должны всегда возносить благодарение Богу не только за то, что Он создал нас разумными, одарил способностью свободного произволения, даровал благодать крещения, дал в помощь ведение закона, но и за то, что Он подает нам каждодневным Своим о нас промыслием, именно: освобождает от наветов вражеских, содействует нам преодолевать плотские страсти, покрывает нас без ведома нашего от опасностей, ограждает от впадения в грех, помогает нам и просвещает в познании и уразумении требований закона Его, тайно вдыхает сокрушение о нерадении и прегрешениях наших, спасительно исправляет нас, удаляя особенного присещения, иногда даже против воли влечет нас ко спасению. Наконец самое свободное произволение наше, более склонное к страстям, направляет к лучшему душеполезному действию и обращает на путь добродетели присещением Своего воздействия на него.

143. Вот в чем собственно состоит смирение

пред Богом, вот в чем — вера древнейших отцов, пребывающая даже доселе незапятнанною и у их преемников. Об этой их вере дают несомненное свидетельство апостольские силы, проявленные ими не только у нас, но и между неверными и маловерными.

144. Иоас, царь Иудейский, сначала был похвальной жизни; но потом возгордившись предан был бесчестным и нечистым страстям, или, по Апостолу: *в неискусен ум творити неподобная* (Рим. 1, 26, 28). **Таков закон правды Божией, что кто нераскаянно надымается гордостным превозношением сердца, тот предается на посрамление гнуснейшей плотской срамоте, чтоб, будучи уничижен таким образом, он восчувствовал, что если он оказывается теперь так оскверненным, то это потому, что прежде не хотел сознать глубочайшей и важнейшей нечистоты от гордостного превозношения и чтоб, сознав это, возревновал очистить себя от той и другой страсти.**

145. Итак очевидно, что никто не может достигнуть последнего предела совершенства и чистоты иначе, как смирением истинным, которое он, видимо свидетельствуя пред братьями, изъясняет также и пред Богом в сокровенностях сердца своего, веруя, что без Его покрова и помощи, в каждый момент его посещающих, никак

не может он достигнуть совершенства, которого желает и к которому с усилием течет.

146. Доселе, сколько позволяла скудость нашего дарования, при помощи Божией довольно сказали мы о духовной гордости, которою, как сказано, искушаются совершенные. Этот род гордости не многим известен и не многими испытывается, потому что не многие стараются стяжать совершенную чистоту сердца, чтоб дойти до таких браней. Она обыкновенно борет только тех, которые, победив все другие страсти, находятся уже почти на самом верху добродетелей. Хитрейший враг наш, поелику не мог одолеть их, влеча к плотскому грехопадению, то теперь покушается запнуть их и низринуть падением духовным, замышляя чрез него лишить их всех прежних плодов, стяжанных с большим трудом. Впрочем, нас, **которые еще опутаны плотскими страстями**, он вовсе не удостаивает искушать таким образом, **но запинаят грубою и, так сказать, плотской надменностью**. И потому об этой, в которую впадать подвергаемся опасности наипаче мы, или люди нашей меры, и особенно души юных или новоначальных иноков, необходимым почитаю немного потолковать по нашему обещанию.

147. Эта плотская, как мы сказали, гордость, если, после не добре и без должной ревности

положенного начала отречения от мира, останется в душе монаха, то не попуская ему от прежней мирской надменности низойти до истинного смирения Христова, сначала делает его **непокорливым и упрямым** ; потом **не дает ему быть кротким и обходительным** , равно как вести себя в уровень со всеми братьями и жить как все, не выдаваясь; особенно не уступает, чтоб он, по заповеди Бога и Спаса нашего, обнажился от всякого земного стяжания; и между тем как отречение от мира не что иное есть, как показание умертвия всему и креста и не может в истинном виде быть начато и созидаться на других основаниях, как чтоб сознавать себя не только всем делам мира сего духовно умершим, но веровать, что и телесно имеет умереть каждый день, — она, напротив, наущает ему **чаять долговечной жизни, представляет впереди разные продолжительные болезни, колеблет стыдом и смущением** , если, оставшись безо всего, начнет содержание иметь из чужих, а не из своих источников и внушает, что пищу и одежду гораздо лучше доставать себе на свои, чем на чужие средства, напоминая в подтверждение сего следующее изречение: *блаженнее есть паче даяти, нежели примати* (Деян. 20, 35), которое в каком смысле сказано, никогда не могут уразуметь эти одевшие и охладевшие сердцем.

148. Инок, так недобре начавший свое мироотречение, никогда не может вместить истинного простого смирения Христова. Он не перестанет или хвалиться знатностью рода, или надмеваться прежним мирским чином, который оставил только телом, а не сердцем, или возноситься деньгами, удержанными при себе на свою пагубу, потому что из-за них не может уже он ни спокойно нести иго монастырских порядков, ни подчиняться наставлениям какого-либо старца. **Кем овладеет гордость, тот унижительным для себя считает соблюдать какие-либо правила подчинения или послушания** , даже неохотно слушает и общее учение о совершенстве духовной жизни, иногда же и полное питает к нему отвращение, особенно когда обличаемый совестью примет подозрение, что оно намеренно направлено против него. В последнем случае **сердце его еще более ожесточится и возгорается гневом** . После чего бывает у него **громкий голос, грубая речь, строптивый с горечью ответ, гордая и подвижная походка, неудержимая говорливость** . Таким образом бывает, что духовное собеседование не только никакой не приносит ему пользы, но, напротив, оказывается вредным, делаясь для него поводом к большему греху.

149. Слышал я, что один из юных иноков, когда Авва укорял его, зачем он, оставив смирение,

которое являл несколько времени по отречении от мира, начал надмеваться диавольской гордостью, с крайним высокомерием ответил ему: разве я для того несколько времени смирял себя, чтобы навсегда быть подчиненным? При этом столь необузданном и преступном ответе старец так остолбенел от изумления, что речь его порвалась, как будто он услышал такие слова не от человека, а от самого древнего Люцифера, и он ни одного звука не мог испустить из уст своих против такой дерзости, а только одни выпускал из сердца вздыхания и стенания, молча повторяя в уме сказанное о Спасителе нашем: *иже во образе Божиим сый... смирил Себе послушлив быв* не на время (как говорит этот, одержимый диавольским духом надмения), но *даже до смерти* (Флп. 2, 6, 8).

150. Эта плотская гордость вот в каких действиях проявляется: **в говорении ее бывает крикливость, в молчании — досадливость, при веселости — громкий, разливающийся смех, в печали — бессмысленная пасмурность, при отвечании колкость, в речи легкость, слова, как попало вырывающиеся, без всякого участия сердца. Она не знает терпения, чужда любви, смела в нанесении оскорблений, малодушна — в перенесении их, тяжела на послушание, если не предваряет его ее собственное желание и воля, на увещания непреклонна, к отречению от своих**

волений не способна, к подчинению чужим крайне упорна, всегда усиливается поставить на своем решении, уступить же другому никогда согласна не бывает; и таким образом бывает, что, сделавшись не способною принимать спасительные советы, она более верит своему мнению, чем рассуждению старцев.

151. По таким степеням ниспадения тот, кем овладевает однажды гордость, спустившись долу, с ужасом отвращается уже от строгого общежительного благочиния и — полагая, что, если он мало подвигается на пути к совершенству, то это потому, что его замедляет в этом сообщение с братьями и что если он мало успевает в стяжании терпения и смирения, то это **по вине других, по препонам с их стороны**, — принимает желание жить в уединенной келлии, или даже предпринимлет устроить особый монастырь в видах привлечения многих к строгой жизни и спешит собрать долженствующих последовать его учению и наставлению, **делаясь таким образом из непотребного ученика непотребнейшим учителем**.

152. Итак, если хотим, чтобы здание наше поднялось до самого верха и было угодно Богу, то постараемся положить основание ему **не по самоугодливой воле нашей, а по точному евангельскому учению**, по коему таким

основанием может быть не что другое, как **страх Божий и смирение**, порождаемое кротостью и простосердечием. Смирение же не может быть приобретено без обнажения от всего, без коего никак нельзя утвердиться ни в добром повиновении, ни в твердом терпении, ни в невозмутимой кротости, ни в совершенной любви; а без этих сердце наше отнюдь не может быть жилищем Святого Духа, как возглашает о сем Господь чрез пророка: *на кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливого и трепещущего словес Моих* (Ис. 66, 2).

153. Почему воин Христов, который, законно подвизаясь подвигом духовным, желает быть увенчанным от Господа, должен всячески постараться истребить и этого лютейшего зверя, как поглотителя всех добродетелей, будучи уверен, **что пока он будет в его сердце, то ему не только нельзя будет освободиться от всех страстей, но что если возымеет он сколько-нибудь добродетели, и та погибнет от его яда.** Ибо в душе нашей никак не может быть воздвигаемо здание добродетелей, если наперед в сердце нашем не будут положены основы истинного смирения, которое, будучи наипрочнейше сложено, только одно и сильно сдерживать до верха возведенное здание совершенства и любви. Для сего надлежит нам, во-первых, пред братьями нашими с

искренним расположением изъяслять истинное смирение, ничем не позволяя себе опечалить их или оскорбить, — чего никак не можем мы исполнить, если по любви ко Христу не будет в нас глубоко укоренено истинное от всего отречение, состоящее в полном обнажении себя от всякого стяжания; во-вторых, надлежит в простоте сердца и без всякого притворства воспринять иго послушания и подчинения, так, чтоб кроме заповеди аввы, никакая другая воля отнюдь не жила в нас, что никем не может быть соблюдаемо, кроме того, кто не только возымел себя мертвым для мира сего, но и почитает неразумным и глупым и без всякого размышления исполняет все, что ни прикажут старцы, по вере, что все то священо и от Самого Бога возвещается.

154. Когда будем мы держаться в таком настроении, тогда за этим без всякого сомнения последует такое невозмутимое и неизменное состояние смирения, что, **почитая себя низшими всех, самым терпеливым образом будем мы переносить все, нам причиняемое, сколь бы оно ни было напрасленно, оскорбительно или даже вредно**, — так, как бы то налагаемо было на нас от наших начальственных отцов (как послушание или испытание). И не только легко все такое будет нами переносимо, но и почитаемо малым и ничтожным, если притом постоянно будем содержать в памяти и

чувстве страдания Господа нашего и всех святых, потому что тогда напраслины, нами испытываемые, будут казаться нам настолько легче, насколько далеко отстоим мы от их великих дел и многоплодной жизни. Воодушевление к терпению, отсюда исходящее, еще будет сильнее, если при этом будем помышлять, что **скоро переселимся и мы из сего мира** и по скором конце нашей жизни тотчас станем соучастниками их блаженства и славы. Такое помышление губительно не только для гордости, но и для всех страстей. После этого следует нам крепко-накрепко держать такое смирение и пред Богом, что будет нами исполнено, если будем питать убеждение, что мы сами собою, без Его помощи и благодати, ничего не можем сделать, что относится к совершенству добродетели, и будем искренно верить, что и то самое, что успели мы уразуметь, есть Его дар.

Преподобный Нил Синайский² О гордости

1. Гордость есть опухоль (надутость) души, наполненная испорченной кровью; если созреет,

² Добротолюбие. Т. 2. М.: Сибирская Благовонница, 2010. С. 267–270.

прорвется и причинит большую неприятность.

2. Блистание молнии предрекает громовой удар, а о гордости предвещает появление тщеславия.

3. Гордость на великую высоту возносит гордого и оттуда низвергает его в бездну.

4. Гордостью болеет отступивший от Бога и своим собственным силам приписывающий добрые дела.

5. Как ставший на паутину проваливается и уносится вниз, так падает и полагающийся на собственные свои силы.

6. Обилие плодов нагибает до земли древесные ветви, и множество добродетелей смиряет мудрование мужа.

7. Сгнивший плод бесполезен земледельцу, и добродетель гордого непотребна Богу.

8. Жердь поддерживает обремененную плодами ветвь, а страх Божий — добродетельную душу.

9. Как тяжесть плода ломит ветвь, так гордость низвергает добродетельную душу.

10. Не предавай гордости душу свою и не увидишь страшных мечтаний; потому что душа гордого бывает оставлена Богом и делается порадованием бесов.

11. Гордый ночью воображает множество нападающих зверей, а днем смущается боязливymi

помыслами; если спит, часто вскакивает, и когда бодрствует, боится птичьей тени.

12. Шум листа в ужас приводит гордого, и журчание воды поражает душу его.

13. Так только что Богу себя противопоставлявший и отвергавший Его помощь пугается теперь ничтожных призраков.

14. Гордость низвергла Архангела с неба и сделала, что он, как молния, спал на землю. А смиренномудрие человека возводит на небо и уготовляет к ликованию с Ангелами.

15. Что горе возносишься, человек, и подъемлешься выше облаков, будучи пыль и прах?

16. Посмотри на естество свое, что ты — земля и пепел и вскоре разрешишься в прах; теперь величав, а спустя немного будешь червь. Что подъемлешь выю, которая вскоре сгниет?

17. Великое нечто человек, когда помогает ему Бог; а коль скоро оставлен он Богом, познает немощ естества своего.

18. Нет у тебя ничего доброго, чего не приял бы ты от Бога. Для чего же величаешься чужим, как своим? Для чего хвалишься данным благодатью Божией, как собственным своим стяжанием?

19. Признай Даровавшего и не превозносись много; ты — тварь Божия, не отлагайся от Сотворившего.

20. Бог помогает тебе, не отрицайся

Благодетеля; взошел ты на высоту жития, но путеводил тебя Бог; преуспел в добродетели, но действовал в тебе Бог; исповедуй Возвысившего, чтобы неколеблемо пребыть тебе на высоте.

21. Признай своего соестественника, что он одной и той же с тобою сущности, и не отрицайся от родства с ним по надменности.

22. Он уничижен, а ты превознесен; но один Зиждитель сотворил обоих.

23. Не пренебрегай смиренного; он стоит тверже тебя, по земле ходит и не скоро падет; а высокий, если падет, сокрушится.

24. Гордый монах — древо бескоренное, которое не может выдержать напора ветра; а некичливое мудрование — огражденный город, обитающий в коем безопасен.

25. Былинка подымается высоко дуновением ветра, а гордого возносит приражение безумия.

26. Лопнувший пузырь обращается в ничто, и память гордого погибнет.

27. Слово смиренного мягчительная мазь душе, а слово гордого исполнено кичения.

28. Молитва смиренного преклоняет Бога, а прошение гордого оскорбляет Его.

29. Смиренномудрие — венец дому, и вошедшего блюдет в безопасности.

30. Когда взойдешь на высоту добродетелей, тогда великая тебе потребность в ограждении: ибо,

если упадет стоящий на полу, то скоро встанет, а упавший с высоты подвергается опасности умереть.

31. Драгоценному камню прилична золотая оправа, и смирение мужа блистает многими добродетелями.

32. Не забывай своего падения, хотя и покаешься; но поминай о грехе твоём плачем, к смирению твоему, чтоб, смирившись, по необходимости отсечь тебе гордость.

33. Не взирай на падших с кичливым помыслом надмевающим тебя, будто судию, но себе самому внимай помыслом трезвенным — испытателем и оценщиком твоих деяний.

34. Падая, воздыхай, и преуспевая, не на-д-мевайся. Не величайся тем, что ты безукоризнен, чтобы вместо благолепия не облечься тебе в срамоту.

35. Некто из благоискуснейших, ведя речь о смирении, пересказал и следующее: «Весьма благоискусный отец ударен был по ланите бесноватым, который был в сильном припадке безумия; и отец, немедленно обернувшись, подставил ему другую ланиту с готовностью принять удар. Тогда бес, как молнией пораженный смирением, вскричал и тотчас вышел из создания Божия».

36. Как опускающиеся в основания земли вырывают там золото, так нисходящие до

златоподобного смирения износят из него добродетели.

37. Святой Павел заповедует, *задняя забывая, в предняя простираться* (Флп. 3, 13). Кто так расположен, тот не столько превозносится тем, в чем преуспел, сколько смиряется тем, чем недостает против предположенного, прилагая попечение довершить недоконченное и не обращаясь к тому, что уже кончено; поелику сделанное нередко надмевает легкомысленных до безрассудства, а требующее делания смиряет мысль неизвестностью, будет ли оно приведено к концу, и прежде, нежели совершено, причиняет печаль. Посему и Господь, предохраняя от поползновения к самомнению возшедших на высоту добродетели, говорит: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должны бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10). Хотя не препятствует радоваться, что долг исполнен, однако не дозволяет думать о себе высоко. Ибо говорит, что отдан долг, а не произвольный принесен дар.

38. Гордость надмевает мысли до напыщенности, научает пренебрегать всякого человека и с презрением смотреть на соестественного себе как на нечто ничтожное, до безумия доводит высокопарный помысл, внушает мечтать о равности Богу, не признает Промысла и

попечительности Всеблагого Бога, полагает, что как должное за дела получает все милости, какими пользуется, не хочет видеть Божия содействия в том, что делает и в чем успевает, почитает себя достаточною на всякое доброе дело, по самомнению думает, что на все имеет силы, будучи вовсе бессильною. Она — водяной пузырь, надутый суетным о себе мнением, который, если только дунуть, обращается в ничто.

Святой Ефрем Сирин³ О борьбе с гордостью

277. Гордый не терпит превосходства над собою, и встречая его, или завидует или соперничает. Соперничество и зависть друг другом держатся, и в ком есть одна из сих страстей, в том обе они.

278. В ком есть они, того мучит успех других; а в ком нет, того не печалит он. Этот, когда другому оказана честь, не смущается; когда другой возвышен, не тревожится, потому что всем отдает преимущество, всех предпочитает себе.

279. Без смиренномудрия напрасны всякий

³ Добротолюбие. Т. 2. С. 422–430.

подвиг, всякое воздержание, всякое послушание, всякая нестяжательность, всякая многоученость.

280. Нечистый дух высокоумия изворотлив и многообразен, и все усилия употребляет, чтобы возобладать над всеми: мудрого уловляет мудростью, крепкого крепостью, богатого богатством, красивого красотою, художника искусством.

281. И ведущих духовную жизнь не пропускает он искушать подобным же образом и ставить свои сети — отрешемуся от мира в отречении, воздержному — в воздержании, безмолвнику в безмолвии, нестяжательному в нестяжании, молитвеннику в молитве. Во всех старается он посеять свои плевелы.

282. Как врачество против гордости чаще прочитывай следующие и другие подобные места Писания, направленные против нее: *Егда сотворите вся повеленная вам, глаголите: яко рабы неключимы есмы* (Лк. 17, 10).

Аще кто мнит себе быти что, ничтоже сый, умом льстит себе (Гал. 6, 3).

Еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Господом (Лк. 16, 15).

Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим, говорит Господь (Мф. 11, 29).

Во смирении нашем помяну ны Господь: и

избавил ны есть от врагов наших (Пс. 135, 23).

Смирися и спасе мя (Пс. 114, 5).

Нечист пред Господом всяк высокосердый
(Притч. 16, 5).

283. Если здоров ты телом, то не превозносись и бойся.

284. Кто сам себя возвышает, тот готовит себе бесчестие; а кто служит ближнему в смиренномудрии, тот прославится.

285. Смири помысл гордыни прежде, нежели гордыня смирит тебя. Низложи помысл высокоумия прежде, нежели он низложит тебя. Сокруши похоть прежде, нежели похоть сокрушит тебя.

286. Не осуждай брата в непостоянстве, чтоб и самому тебе не впасть в ту же немощь.

287. Новоначальный, не имеющий смирения, не имеет у себя оружия на сопротивного; и таковой потерпит великое поражение.

288. Пусть монах имеет себя из последних последним, и приобретет себе упование. Ибо *смиряяй себе вознесетя, а возносяйся смирится* (Лк. 18, 14).

289. Злая укоризна монаху — гордыня, дерзость, бесчувственность, бесстыдство, безрассудность, вспыльчивость, безумие.

290. Если возлюбишь гордыню, будешь часть бесам; если возлюбишь смиренномудрие, будешь часть Владыке Христу.

291. Высокоумный человек много понесет печалей, а смиренномудрый всегда будет веселиться о Господе.

292. Высокоумие во всякое время домогается чести; а смиренномудрие в славе не превозносится и в бесславии не беспокоится; потому что ожидает награды от Господа.

293. Превозношение ослепляет умные очи, а смирение просвещает их любовью; ибо Господь *научает кротких путем Своим* (Пс. 24, 9).

294. Опасно человеку надеяться на самого себя, а надеющийся на Господа спасется.

295. Украшающий одежды свои возгордится; а гордый монах — неоперившийся орел.

296. Смиренномудрый монах — легкий скороход и (как бы) меткий стрелок.

297. Как железо все утончает и покоряет, так и смирение по Богу разрушает козни врага.

298. Что рогатина для зверолова и оружие для воина, то для монаха смирение.

299. Опасна человеку гордыня в каком бы то ни было виде. Не люби гордыни, потому что нет в ней пользы. Всякая немощь при попечительности исцеляется, но недуг гордости — с трудом врачуемое зло; потому что она отвергает целительное врачевство и вымышляет для себя смертную отраву. Да не будет ее в рабах Христовых.

300. Хочешь ли быть великим? Будь меньше всех (см.: Мк. 9, 35).

301. Если выйдет брат из монастыря, не превозносись над ним мыслью, и да не будет он бесчестен в глазах твоих: *не веси бо, что родит находяй день* (Притч. 3, 28).

302. Слушай того, кто говорит: *мняйся стояти да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12), и еще: *не хваляй себе искусен, но егоже Бог восхваляет* (2 Кор. 10, 18). Ибо многие думали о себе, что одержали они верх и начальствуют; но они стали из кромешных кромешными, а люди отчаянные прияли благодать; потому что Бог гордым противится, смиренным же дает благодать (Иак. 4, 6).

303. Если видишь человека непослушного, гордого и *мудрого о себе*, то корень его уже полумертв; потому что не приемлет в себя тука, сообщаемого страхом Божиим. А если видишь человека безмолвного и смиренного, то знай, что корень его прочен; потому что напаяется туком страха Божия.

304. Велико преуспеяние и велика слава — смиренномудрия, и нет в нем падения. Признак смиренномудрия — обеими руками удовлетворять потребности брата, так как бы и сам ты принимал пособие.

305. Человек гордый и непокорный увидит

горькие дни; смиренномудрый же и терпеливый возвеселится всегда о Господе.

306. Великое дело — найти человека смиренномудрого и терпеливого, доброте его нет меры.

307. Кто превозносится над братом своим, над тем издеваются бесы.

308. Дожди размножают сорные травы, а обращение с людьми мирскими производит страсть высокоумия. Но боящийся Господа не превозносится.

309. Если сподобился ты дарования, не высокоумствуй, ибо не имеешь у себя ни одного совершенства, *егоже неси приял* от Бога (1 Кор. 4, 7); и если не будешь ходить по Его заповедям и воле, отнимет Он у тебя собственность Свою и отдаст лучшему, и тогда будешь походить на человека, у которого отнимают перо, только что омоченное в чернила.

310. Сколько ни превозносится человек в гордыне сердца своего, все же он попирает землю, из которой взят и в которую пойдет; возвышает же Господь смиренных.

311. Высокоумие низлагает, а смиренномудрие получает победную награду.

312. Если пред братьями своими окажешься чистым как золото, то и тогда почитай себя сосудом непотребным, и избежишь гордыни, ненавистной

Богу и людям.

313. Если видишь, что брат грешит, и наутро свидишься с ним, то не презирай его, признавая грешным в мысли своей, ибо не знаешь, что, может быть, когда ушел ты от него, сделал он по падении своем что-нибудь доброе и умилиствовал Господа воздыханиями и горькими слезами.

314. Надобно удерживаться от осуждения других; каждому же из нас подлежит смирать себя, говоря о себе словами псалма: *беззакония моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне* (Пс. 37, 5).

315. Не дай мне, общий всех Владыка, такого сердца, которое ненавидит подчинение и отеческое вразумление; удали от меня горделивые помыслы; ибо Ты, Господи, *запретил еси гордым* (Пс. 118, 21).

316. Не только взор пусть будет поникшим долу, но и сердце да не превозносится над другим.

317. Если двое новоначальных живут со старцем, кто из них больше пред Господом? Тот, кто смиряет себя пред братом своим в страхе Божиим. Ибо не лжив Сказавший: *смиряйся вознесется* (Лк. 18, 14).

318. Кто хочет сдвинуть камень, тот не сверху, а снизу подложит рычаг, — и тогда легко поворотит камень. Это образец для смиренномудрия!

319. И Богу и людям ненавистна гордыня, а любящих смирение возвышает Господь.

320. Не достоинство, не почесть, не величие вводят в Царство Небесное, но смирение, послушание, любовь, терпение и благодушие — вот что спасает человека. Не слышали разве, что дьявол за гордыню ниспал с неба? Не слышали разве, какой великой славы лишился он за противление Богу?

321. Смиранный не тщеславится, не гордится, служа Господу из страха пред Ним. Смиранный не устанавливает собственной своей воли, прекословя истине, но повинуется истине. Смиранный не завидует успеху ближнего и не радуется его сокрушению (падению), а, напротив того, радуется с радующимися и плачет с плачущими. Смиранный не унижается в лишении и бедности и не оказывается надменным в благоденствии и славе, но постоянно пребывает в той же добродетели. Смиранный почитает не только высших, но и низших себя. Смиранный не впадает в раздражительность, никого не оскорбляет, ни с кем не ссорится. Смиранный не упрямится и не ленится, хотя бы и в полночь позвали его на дело, потому что поставил себя в послушание заповедям Господним. Смиранный не знает ни досады, ни лукавства, но в простоте служит Господу, мирно живя со всеми. Смиранный, если услышит выговор,

не ропщет, и если будет заушен, не выйдет из терпения, потому что он ученик Претерпевшего за нас крест. Смиранный ненавидит самолюбие, почему не домогается первенства, но почитает себя в мире сем как бы временным пловцом на корабле.

322. Если изучишь и все Божественное Писание, смотри, в противность Писанию, да не надмеваешь тебя этим помысл; потому что все Богодухновенное Писание учит нас смирению. А кто думает или делает противное тому, чему учился, тот сим самым показывает, что он преступник.

323. Если тревожит тебя дух гордости, или любоначалаия, или богатства, то не увлекайся им, а, напротив того, стань мужественно против ополчений лукавого и льстивого духа. Представь в мыслях древние здания, обветшавшие изображения, изъеденные ржавчиной столпы, — и размысли сам с собою и посмотри, где обладатели и соорудители всего этого; и старайся угодить Господу, чтоб сподобиться тебе Царствия Небесного: *зане всяка плоть яко трава, и всяка слава человека, яко цвет травный* (1 Пет. 1, 24). Что выше и славнее царского достоинства и славы? Но и цари переходят, и слава их. А удостоившиеся Царства Небесного не испытуют ничего подобного, в мире и радовании пребывая на небе с Ангелами, без болезни, печали и воздыхания, в радости и веселии, хваля, прославляя

и величая Царя небес и Господа всея земли.

324. Если прежде всех придешь к службе Божией и престоишь до конца, да не надмеваает тебя сим помысл, ибо высокоумие подобно норе, в которой гнездится змий и умерщвляет подходящего.

325. Не будем превозноситься, а станем лучше смирать себя. Да и что у нас за сила, чтобы превозноситься нам, когда и малая затруднительность повергает нас на землю? Посему возлюбим смирение, чтоб Господь не отвратился от нас.

326. Во всяком месте и во всяком деле да будет с тобою смиренномудрие. Ибо как тело имеет нужду в одежде, тепло ли или холодно на дворе, так и душа имеет всегдашнюю нужду в облечении себя смиренномудрием. Предпочти лучше ходить раздетым и разутым, нежели быть обнаженным смиренномудрия; потому что любящих оное покрывает Господь.

327. Имей смиренный образ мыслей, чтоб, превознесшись на высоту, не разбиться в страшном падении.

328. Начало смиренномудрия — покорность. Смиренномудрие да будет у тебя и основанием и облачением ответа; речь же твоя пусть будет проста и приветлива в любви Божией. Высокоумие не подчиняется, непослушно, непокорно, водится

собственным своим помыслом. А смиренномудрие послушно, благопокорно, скромно, воздает честь и малым и большим.

329. Избрав для себя благоговейную жизнь, трезвись, чтоб лукавый под видом благоговения не внушил тебе чуждого помысла, и именно тщеславия и гордыни, по которым не захочешь трудиться вместе с братией. Работай, как и другие братья, и охраняй свое благоговение.

330. Если будет тревожить тебя помысл самомнения, скажи борющему тебя: «Иди от меня прочь, лукавый помысл. Что такое я сделал, и в какой преуспел добродетели, что внушаешь мне подобные мысли? Святые *каменiem побииени быша, претрени быша, искушени быша, убийством меча умроша* (Евр. 11, 37). Сам Владыка всяческих за нас крест *претерпе*, о срамоте нерадив (Евр. 12, 2). А я, все время жизни своей проведя в грехах, какой дам ответ в день Суда?» — И сим отгонишь от себя высокоумие.

331. Один брат сказал: Просил я себе у Господа помысл смиренномудрия, чтобы когда брат мой прикажет мне сделать что-нибудь, говорил я помыслу: «Это господин твой, слушай его»; а если прикажет другой брат, опять говорил: «Это брат господина твоего». И если прикажет ребенок, и тогда говорил: «Слушай сына господина своего». И таким образом, противясь чуждым помыслам, при

содействии благодати безмятежно делал он дело свое.

332. Бесстрашие рождает гордыню; а гордыня — мать непокорности. Смиренномудрие и кротость обладающего ими пригвозждают к страху Божию, как столп, утвержденный в храме Божиим.

333. Блюдись от беса высокоумия, чтоб не впасть в дух гордыни и неподчинения и не сделать себе вреда. Нет тебе стыда пребывать в подчинении о Господе и своими руками делать доброе. Сия небольшая печаль и скорбь, претерпеваемая тобою ради Господа, доставит тебе вечную жизнь. Представь, что кто-нибудь на драхму выменивает многие тысячи талантов золота; то же значит и всякая печаль монашеской жизни в сравнении с будущею скорбью, какая сретит делающих худое. Уступаешь ты малое, а тебе дается великое. Посему отрекайся высокоумия, и часть твоя будет Господь.

334. Отличительные черты и признаки человека, имеющего истинное смирение, суть следующие: **почитать себя грешным паче всех грешников, не сделавшим ничего хорошего пред Богом, укорять себя во всякое время, на всяком месте и за всякое дело, никого не хулить и не находить на земле человека, который был бы грешнее и нерадивее его самого, но всех всегда хвалить и прославлять, никого никогда не осуждать, не унижать и не оклеветывать, во**

всякое время молчать и без приказанья или крайней нужды ничего не говорить; когда же спросят и есть намерение или крайняя нужда заставляя говорить и отвечать, тогда говорить тихо, спокойно, редко, как бы по принуждению и со стыдом; ни в чем не выставляя себя за меру, ни с кем не спорить ни о вере, ни о другом чем; но если говорит кто хорошо, сказать ему: да, а если худо, отвечать: как знаешь; быть в подчинении и гнушаться своею волею как чем-то пагубным; иметь взор поникший всегда в землю; иметь пред глазами смерть свою, никогда не празднословить, не пустословить, не лгать, не противоречить высшему; с радостью переносить обиды, унижения и утраты, ненавидеть покой и любить труд, никого не огорчать, не уязвлять ничью совесть. Таковы признаки истинного смирения; и блажен, кто имеет их; потому что здесь еще начинает быть домом и храмом Бога, и Бог вселяется в нем, — и делается он наследником Царствия .

335. В том нет смиренномудрия, чтобы грешнику почитать себя грешником, но смиренномудрие состоит в том, чтобы, сознавая в себе многое и великое, не воображать о себе ничего великого. Смиренномудр, кто подобен Павлу, но говорит о себе: *ничесоже в себе свем* (1 Кор. 4, 4), или: *Христос Иисус прииде в мир грешныя спасти,*

от нихже первый есмь аз (1 Тим. 1, 15). Итак, быть высоким по заслугам и уничижать себя в уме — вот смиренномудрие!

Святой Иоанн Лествичник⁴ Борьба с гордостью

1. Гордость есть отвержение Бога, презрение человеков, матерь осуждения, исчадие похвал, отгнание помощи Божией, виновница падений, источник гнева, горький истязатель чужих дел, судья бесчеловечный, противница Богу, корень хулы.

2. *Начало* гордости — укоренение тщеславия; *средина* — уничижение ближнего, бесстыдное проповедание о своих трудах, самохвальство в сердце, ненавидение обличения; а *конец* — отвержение Божией помощи, высокомерное упование на свое тщание, бесовский нрав.

3. Видал я людей, устами благодаривших Бога и велехвалившихся в мыслях своих. Ясное доказательство на сие представляет фарисей, когда он говорил: *Боже, благодарю Тя* (Лк. 18, 11).

⁴ Добротолубие. В 5 тт. Т. 2. М.: Сибирская Благовонница, 2010. С. 544–552.

4. Где совершилось грехопадение, там прежде водворилась гордость, ибо гордость есть предвестница падения.

5. Высокомудрый монах сильно прекословит; а смиренномудрый не только не прекословит, но и очей возвести не смеет.

6. Не преклоняется кипарис и не стелется по земле; так и высокосердый монах не может иметь смиренного послушания.

7. Если *Бог гордым противится* (Иак. 4, 6), то кто может помиловать их? И если *нечист пред Богом всяк высокосердый* (Притч. 16, 5), то кто может очистить его?

8. Отвергающий обличение обнаруживает страсть гордости; а кто принимает оное, тот разрешился от уз гордости.

9. Один мудрый старец увещевал горделивого брата; но сей, слепотствуя душой, сказал: «Прости меня, отче, я совсем не горд». Тогда мудрый старец возразил: «Чем же ты, сын мой, яснее можешь доказать, что ты горд, как не уверением, что нет в тебе гордости».

10. Людям гордого нрава полезнее всего быть в повиновении, проводить житие грубейшее и презреннейшее и прочитывать повествования о пагубных последствиях гордости и сверхъестественных уврачеваниях от оной.

11. Стыдно тщеславиться чужими

украшениями, и крайнее безумие — гордиться Божиими дарованиями. Превозносись только теми добродетелями, которые ты совершил прежде рождения твоего; а те, которые ты исполнил после рождения, даровал тебе Бог, также как и самое рождение. Если ты исправлял какие-нибудь добродетели без помощи ума, то пусть они только и будут твоими, потому что и самый ум дарован тебе Богом. И если ты без тела показал какие-нибудь подвиги, то они только и были от твоего тщания, ибо и тело не есть твое — оно творение Божие.

12. Не надейся на свои добродетели, пока не услышишь последнего о тебе изречения от Судьи; ибо в Евангелии видим, что и возлежавший уже на брачной вечере был связан по рукам и по ногам и во тьму кромешную извержен (см.: Мф. 22, 13).

13. Да не престанем сами себя испытывать и сравнивать житие наше с житием прежде нас бывших святых отцов и светил; и найдем, что мы и шагу еще не сделали, чтобы идти по следам жизни сих великих мужей, — даже обета своего не исполнили как должно, но пребываем еще в мирском устройении.

14. Монах есть бездна смирения, в которую он низринул и в которой потопил всякого злого духа.

15. От гордости происходит забвение согрешений; а память о них есть ходатай смиренномудрия.

16. Гордость есть убожество души, которая мечтает о себе, что богата, и, находясь во тьме, думает, что имеет свет.

17. Гордый подобен яблоку, внутри сгнившему, а снаружи блестящему красотою.

18. Гордый не имеет нужды в бесе-искусителе; он сам сделался для себя бесом и супостатом.

19. В гордых сердцах рождаются хульные слова, а в смиренных душах — небесные видения.

20. Не знаю, как это бывает, что весьма многие из гордых, не зная самих себя, думают, что они достигли бесстрастия, и уже при исходе из сего мира усматривают свое убожество.

21. Кто пленен гордостью, тому необходимо нужна чрезвычайная Божия помощь для избавления, ибо человеческие средства к спасению его безуспешны.

22. Хульные помыслы рождаются от гордости, гордость же не допускает открыть их духовному отцу. Почему часто случается, что сия бедственность повергает иных в отчаяние, истребив всю надежду их, подобно червю, истачивающему дерево.

23. Нет никаких помыслов, которые бы (по причине гордости) столь трудно было исповедать, как помысл хульный; посему нередко он во многих пребывает до самой старости. Но между тем ничто

так не укрепляет против нас бесов и злых помыслов, как то, что мы их не исповедуем, но таим в сердце, что питает их.

24. Никто не должен думать, что он виновен за хульные помыслы, ибо Господь есть сердцеведец и знает, что такие слова и помышления не наши, но врагов наших.

25. Научимся презирать духа хулы и, отнюдь не обращая внимания на влагаемые им помыслы, говорить ему: *иди за мною, сатана; Господу Богу моему поклоняюсь и Тому единому послужу; болезнь же твоя и слова твои да обратятся на главу твою и на верх твой да снидет хула твоя в нынешнем веке и в будущем (Пс. 7, 17).*

26. Кто презирает сего врага, тот от мучительства его освобождается; а кто иным образом намерен вести с ним борьбу, тем он возобладает. Хотящий победить духов словами подобен старающемуся запереть ветры.

27. Когда начнет в нас процветать святое смирение, тогда начнем мы презирать всякую похвалу и славу человеческую. Когда же оно созреет, тогда не только за ничто станем мы почитать свои добрые дела, но и вменять их в мерзость, думая, что мы ежедневно прилагаем к бремени грехов своих неведомым для нас расточением добродетелей.

28. Покаяние прилежное и плач очищенный от

всякой скверны, воздвигая храм смирения в сердце, разрушают возгражденную на песке лачугу гордыни.

29. Признаки исчезновения гордости и водворения смирения суть — радостное поднятие поношений и унижений, утоление ярости и неверование своим добродетелям.

30. Конец всех страстей — тщеславие и гордость для всякого не внимающего себе. Истребитель же их — смиренномудрие — хранит сожителя своего невредимым от всякого смертоносного яда (страстей).

31. Смиренномудрый монах не любопытствует о предметах непостижимых, а гордый хочет исследовать и глубину судеб Господних.

32. К одному из рассудительнейших братьев приступили бесы и ублажали его. Но сей смиренномудрый сказал им: «Если бы вы перестали хвалить меня в душе моей, то из отшествия вашего я заключил бы, что я велик; если же не перестанете хвалить меня, то из похвалы вашей вижу мою нечистоту; ибо *нечист пред Господом всяк высокосердый* (Притч. 16, 5). Итак, или отойдите, чтобы я почел себя за великого человека; или хвалите, — и я приобрету чрез вас великое смирение». Сим обоюдоострым мечом рассуждения они так были поражены, что тотчас исчезли.

33. Иное дело превозноситься, иное не превозноситься, и иное — смирение. Один целый день судит; другой ни о чем не судит, но и себя не осуждает; а третий, будучи неповинен, всегда сам себя осуждает.

34. Конь, когда бежит один, то ему кажется, что он скоро бежит; но когда находится в бегу с другими, тогда познает свою медленность. (Сравнивай себя с лучшими, и избежишь самомнения).

35. Нечистые бесы тайно влагали похвалу в сердце одному внимательному подвижнику. Но он, будучи наставляем Божественным вдохновением, умел победить лукавство духов такой благочестивою хитростью: написал на стене своей келлии названия высочайших добродетелей, то есть совершенной любви, ангельского смирения, чистой молитвы, нетленной чистоты и других подобных. Когда потом помыслы начинали хвалить его, он говорил им: «Пойдем на обличение», — и, подошедши к стене, прочитывал написанные названия и присовокуплял: «Когда и все сии добродетели приобретешь, знай, что ты еще далек от Бога».

36. Хочешь ли стяжать неотступную любовь к молитве, прежде приобучи сердце не зазирать чужих согрешений, но предтечею сего должна быть ненависть к тщеславию.

37. Если хотим постигнуть себя, да не престанем сами себя испытывать и истязать; и если в истинном чувстве души будем держать, что каждый ближний наш пре-восход-нее нас, то милость Божия не далека от нас.

38. Многие называют себя грешными, а может быть, и в самом деле так о себе дума-ют; но сердце искушается уничижением (от других).

39. Кто говорит, что он ощущает благовоние смирения и во время похвал, хотя мало движется сердцем, тот да не прельщается, ибо он обманут.

40. *Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу*, сказал некто в чувстве души (Пс. 113, 9); ибо он знал, что естество человеческое, будучи столь немощным, не может принимать похвалу безвредно. *От Тебе похвала моя в Церкви велицей* (Пс. 21, 26) — в будущем веке; а прежде того не могу принимать ее безопасно.

41. Естественное свойство лимонного дерева таково, что оно, будучи бесплодно, вверх принимает ветви; а когда оные наклонят, то они скорее бывают плодоносны. Стяжавший знание понимает это.

42. Если гордость некоторых из Ангелов превратила в бесов, то, без сомнения, смирение может и из бесов сделать Ангелов. Итак, да дерзают падшие, уповая на Бога.

43. Ничто так не смиряет душу, как

пребывание в нищете и пропитание подаянием.

44. Кто в беседе упорно желает защищать свое мнение, хотя бы оно было и справедливо, тот да знает, что он одержим диавольским недугом (гордостью); и, если он так поступает в беседе с равными, то, может быть, обличение старших и исцелит его; если же он обращается так с большими себя и мудрейшими, то люди не могут исцелить сей болезни.

45. Однажды спросил я одного из искуснейших старцев, каким образом послушание имеет смирение? Он ответил: благоразумный послушник, если и мертвых будет воскрешать, и дарование слез получит, и избавления от браней достигнет, всегда думает, что это совершает молитва отца его духовного, и пребывает чужд и далек от суетного возношения; да и может ли он превозноситься тем, что, как сам сознает, сделал помощью другого, а не собственным старанием.

46. Находясь в общежитии, внимай себе и отнюдь не старайся в чем-нибудь показываться праведнее других братьев, иначе ты сделаешь два зла: братию уязвишь своею ложною и притворною ревностью и себе дашь повод к высокоумию.

47. Будь ревностен, но в душе своей, нисколько не высказывая сего во внешнем обращении, ни видом, ни словом каким-либо, ни гадательным знаком; во всем будь подобен

братиям, чтоб избежать высокоумия.

48. От ложного умиления рождается возношение, а от истинного — утешение.

49. Кто слезами своими внутренне гордится и осуждает в уме своем неплачущих, тот подобен испросившему у царя оружие на врага своего и убивающему им самого себя.

50. Если кто замечает, что он легко побеждается превозношением и вспыльчивостью, лукавством и лицемерием, и захочет извлечь против сих врагов обоюдоострый меч кротости и незлобия, тот пусть поспешит вступить, как бы в белильню спасения, в собор братий, и притом самых суровых, когда хочет совершенно избавиться от своих порочных навыков; чтобы там, потрясаемый досадами, унижениями и треволениями братий, и ударяемый ими умственно, а иногда и чувственно удручаемый, попираемый и ударяемый пятами, он мог очистить ризу души своей — от сущей в ней скверны.

51. Видел я, что гордость бывает причиною смирения. Ибо плод надмения есть падение в грех; грехопадение же для желающих спастись часто бывает поводом к смиренномудрию.

52. Гордая душа есть раба страха; уповая на себя, она боится слабого звука тварей и самых теней.

53. Блудных могут исправлять люди, лукавых

— Ангелы, а гордых исцеляет Сам Бог.

54. Видимую гордость исцеляют скорбные обстоятельства; а невидимую — прежде век Невидимый.

55. Неусыпно наблюдай душевным оком за гордостью; ибо между обольщениями нет ничего губительнее сей страсти.

56. Если вид погибели, то есть гордости, есть то, когда кто возносится и малыми и незначительными делами, то спасительный признак смирения есть — иметь смиренный образ мыслей и при великих предприятиях и исправлениях.

57. Некогда я уловил сию безумную прелестницу в сердце своем, внесенную в оное на рамена ее матери — тщеславия; связав обеих узами послушания и бив их бичом смирения, я понуждал их сказать мне, как они вошли в мою душу? Наконец под ударами они говорили: «Мы не имеем ни начала, ни рождения, ибо мы сами начальницы и родительницы всех страстей. Немало враждует на нас один из наших неприятелей — сокрушение сердца, рождаемое повинованием. Но кому-нибудь быть подчиненными, — сего мы терпеть не можем; посему-то мы, и на небе бывши начальниками, отступили оттуда. Кратко сказать, мы родительницы всего противного смиренномудрию; а что оному споспешествует, то нам сопротивляется. Впрочем, если мы и на небесах

явились в такой силе, то куда ты убежишь от лица нашего? Мы весьма часто следуем за терпением поруганий, за исправлением послушания и безгневия и непамятозлобия и служения ближним. Наши исчадия суть падения мужей духовных: гнев, клевета, досада, раздражительность, вопль, хула, лицемерие, ненависть, зависть, прекословие, свое-нравие, непокорство. Есть одно нечто, чему мы не имеем силы противиться, — будучи сильно биемы тобою, мы скажем тебе и сие: если будешь искренно укорять себя пред Господом, то презришь нас, как паутину. Ты видишь, говорила гордость, что конь, на котором я еду, есть тщеславие; преподобное же смирение и самоукорение посмеются коню и всаднику его и со сладостью воспоют победную оную песнь: *поим Господеви, славно бо прославися: коня и всадника вверже в море* (Исх. 15, 1), то есть в бездну смирения».

Преподобный Симеон Новый Богослов

Слово тридцать первое ⁵

⁵ Симеон Новый Богослов, *прп.* Творения. Репр. Свято-Троице-Сергиева Лавра, 1993. Т. 1. С. 268–273.

Два есть главнейших дела, из коих в одном пагуба, в другом спасение

1. Два есть главнейших дела в настоящей жизни: одно есть величайшее добро, а другое — величайшее зло; первое, яко верховное благо, возводит человека на небеса, а другое, как крайнее зло, низводит его в преисподняя ада; то есть истина, а это — ложь; то есть великое упокоение, а это — скорбь безмерная; первое есть верх разумности, второе — край безумия; первое родственно и свойственно человеку; второе — враждебно и чуждо; первое есть все прямота, второе — все кривость; первое — радость и веселие, второе — печаль и томление. Какие же это дела? Смирение и гордость: одно есть весь грех — это гордость, а другое — вся правда, это смирение. Рассмотрим грех, коим согрешил Адам, когда находился в раю, в славе и всяком наслаждении, и увидишь, что он согрешил не по какой-либо необходимости или немощи или по какому-либо благословному предлогу, а по одному презорству к заповеди Божией, а это от гордости и неблагодарности к Творцу своему и Богу, доведших его до отступления (от Бога), в какое первым низвергся диавол по собственному своему произволению.

Гордость растет вместе с человеком

2. Надобно знать, что **гордость рождается в душе человека от неведения себя самого,**

порождающего самомнение , по коему думают, что имеют нечто, тогда как ничего не имеют, и **она растет вместе с возрастом человека. Почему нужно всякого человека с мальства, прежде чем познает он что-либо другое, научить познанию себя самого** , — из чего он есть, что есть и чем покончит жизнь, то есть что засеменяется он тленным нечем и невзрачным, образуется среди нечистот, растет подобно траве сельной, составляется из многих смешений удобообразуемых, что вся жизнь его есть борьба со смертию, а во внутренностях своих еще прежде смерти носит он то, что есть смрад и зловоние. Ибо кто не знает себя, что такое он есть, мало-помалу впадает в гордость и делается буим и несмысленным. И что можно найти несмысленнее человека, который, будучи весь покрыт проказою, гордится потому только, что носит светлые и позлащенные одежды, хотя сам в себе срамен и полон безобразия? **А когда выйдет он из ума по причине гордости своей, тогда делается орудием диавола во всех своих словах и делах и становится врагом Богу.** Но что может быть бедственнее того, когда кто поставит себя врагом Богу? Ибо когда заболит телом, чувствует свою болезнь и идет ко врачам, **но кто болеет душою, не чувствует своей болезни, а напротив, чем более разбалывается, тем более становится**

нечувствительным, и потому не хочет идти ко врачам духовным . Таким образом, когда увидишь, что какой-либо человек гордится, знай, что по мере гордыни его он страдает и нечувствием душевным, и пожалей об нем, ибо **кто болит и не чувствует, что болен, тот близок к смерти .** Таков этот грех, ввергающий душу в смерть, ибо **гордый есть больной безчувственный** , который, то есть, не сознает и не чувствует своей болезни, а это и есть смерть души. Случилось, что **кто-либо из таких еще привык учить и вразумлять других, — то это уже законченный мертвец, для которого не требуется более врача .**

Всякому необходимо сознать, что он ничто

3. Итак, необходимо учить и научить человека самопознанию, чтоб он знал себя и таким образом смиренномудрствовал. Смиренномудрие есть главным образом разумность. Как **гордый неразумен и бессмыслен, так, напротив, смиренный разумен и смыслен .** Поелику, таким образом, безумие и слепота гордыни так близки к людям и так сильны в них, то Всеблагий Бог определил, чтоб **вместе с радостным находили на нас и прискорбности** , чтоб чрез то научились мы смиренствовать, а не гордиться. Можешь удостовериться в этом от пакостника плоти, пособника сатанина, томившего апостола Павла, который чудеса творил и такую презельною

(изобильною) украшался славою Божию. Почему нам надлежит благодарить Бога более за скорби, чем за утешение, и радоваться прискорбному, как радуемся обвеселяющему. Итак, всякому человеку необходимо знать себя самого, что он — ничто. Того, кто не знает себя самого, что он ничто, не может спасти Сам всемогущий Бог при всем том, что желает спасти его. И если бы кто принес Богу в дар весь мир (что, конечно, невозможно), а не думал о себе, что есть ничто, не может спастись никоим образом.

Главная черта христианина есть смирение

4. Итак, не требуется, чтоб человек взамен за душу свою дал что-либо другое, кроме познания себя, что он ничто. Только при этом способен он будет принести Богу **сердце сокрушенное и смиренное** — единственную жертву, которую **всякому благочестивому человеку пристойно приносить Богу**. Этой одной жертвы Бог не уничижит, зная, что человек ничего не имеет собственного, что бы мог принести Ему, как говорит и святой Давид: *аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо: всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 18–19). Этою жертвою спасались, спасаются и будут спасаться все цари, вельможи, благородные, низкородные, мудрые, неученые, богатые, бедные,

нищие, воры, обидчики, лихоимцы, развратники, убийцы и всякий род грешников. Глубина смирения — сей спасительной жертвы — должна быть измеряема мерою грехов, то есть **по мере грехов, какие наделал человек, да будет у него и смирение с сокрушением** . Но и самые праведники, и преподобные, и чистые сердцем, и все спасенные спасаются не иным чем, как этою жертвою. И милостыня, и вера, и удаление от мира, и самый великий подвиг мученичества, и всякие другие жертвы возжигаются от воспламенения сей жертвы, то есть **сокрушения сердечного** . Это такая жертва, для которой нет греха, побеждающего человеколюбие Божие. Для сей единой жертвы (чтоб была и сохранялась) бывают болезни, скорби, тесноты, самое падение, страсти душевные и сопутствующие им страсти телесные — все для того, чтоб всяким богобоязненным приносима была Богу сия жертва. Кто стяжет сию жертву сокрушения со смирением, **тому некуда пасть, потому что он имеет себя ниже всех** . И Бог сошел на землю и смирил Себя даже до смерти не для чего другого, как для того, чтоб в верующих в Него созидать **сердце сокрушенное и смиренное** .

Есть две жертвы, благоприятные Богу, без коих нет спасения

5. Две есть жертвы, которые приемлет Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа и за которые

милует и всякого человека в отдельности, и весь мир в совокупности, — из коих одна есть Сам Господь наш Иисус Христос, Сын Божий и Бог воплотившийся, а другая — сокрушенное и смиренное сердце каждого верующего в Него. Итак, пусть кто заберет все свое имущество и раздаст бедным, пусть постится, совершает бдения, спит на голой земле, творит молитвы день и ночь, **а не взыщет от Бога стяжать себе сердце сокрушенное и смиренное** (ибо *всяк дар совершен, свыше есть, сходяй от Отца светов* — Иак. 1, 17), **никакой не получит такой пользы от трудов своих**. Почему надлежит взыскать ту единую стезю, на которой стяжевается сердце сокрушенное и смиренное, ибо кто стяжет такое сердце, тот будет шествовать по земле, как бы шествовал горе — в Царствии Небесном. И в последний час смерти сокрушенные и смиренные сердцем получают удостоверение, что помилованы милостивым Богом, отходят, радуясь и веселясь. Так велик сей ни с чем не сравнимый дар Божий. Он есть основание восхождения по лестнице добродетелей и нисхождения дара чудотворений и знамений, есть воскресение душ, бывающее еще в настоящей жизни, прежде общего воскресения тел, есть избавление, для которого Бог и Отец дал Сына Своего, чтобы всякий верующий не погиб, а имел жизнь вечную и, имея сию вечную жизнь, знал

Единого истинного Бога и Его же послал Он, Иисуса Христа (см.: Ин. 17, 3).

Какой признак того, что приближается кто к Богу?

6. Истинное боговедение с богобоязненностию рождает смиренномудрый нрав, а смиренномудрие порождает нрав кроткий; кротость же и смирение, в нрав обратившиеся, приближают к Богу. Эти две добродетели слияны одна с другою и показывают человека богобоязненного, и по мере смирения и кротости, в какой имеет их богобоязненный человек, явно бывает, сколько близок он к Богу, как, напротив, гордость и гневливость показывают, как далек человек от Бога. Посему Господь наш Иисус Христос, Всевышний Бог, смирил себя даже до крестной смерти, чтоб от Него заимствовали смирение все верующие в Него и крестящиеся, вкушающие Тело Его и пьющие Кровь Его, каковыми Таинствами подается им безсмертие и жизнь вечная. Ибо таинственное общение с Господом нашим Иисусом Христом, Богом Всевышним, приносит три действительных плода: жизнь, безсмертие и смиренномудрие. Жизнь и безсмертие действуют чрез смирение, и опять, вследствие жизни и безсмертия действует смирение. Смирение требуется и прежде жизни и безсмертия, и после и есть, таким образом, и

первое, и третье: первое, потому что есть причина прочих двух, то есть жизни и бессмертия; третье, как их объемлющее и удерживающее. Итак, **который христианин не стяжал себе смирения Христова, так, чтоб оно составляло естественное как бы его свойство, ничего уже не получит от Христа, и Христос ничтоже пользует ему** . Таковой не знает ни Бога, ни себя самого, ибо если бы знал, что без Христа невозможно сделать ничего истинно доброго и спасительного, то, конечно, смирился бы и, как в царское одеяние, облекся бы в смирение Христово, посредством коего христиане делаются царями, царствуют и господствуют над страстями и демонами силою Его. По мере истинного и совершенного смирения бывает и мера спасения. **Родитель же и отец смиренномудрия есть ум, просвещаемый благодатию Христовою и помощью сего Божественного света ясно видящий немощь свою** , как, напротив, **отец высокоумудрия и гордости есть ум, покрытый мраком неведения** , от какового мрака, о, когда бы избавиться и нам всем и, просветясь светом Божественным, прийти в смиренномудрие благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Коему слава и держава со безначальным Его Отцем и Животворящим Духом в бесконечные веки. Аминь.

Слово сорок четвертое^б

Диавол пятью кознями воует против людей

1. Диавол, как дух невещественный, со времени Адамова преступления заповеди Божией возымел некую власть и дерзость действовать на естество человеческое и сделался очень опытным в воевании против людей, ибо люди, им боримые, умирая, преходят род за родом, а он все живет и живет один и тот же вот уже шесть тысяч шестьсот и более лет, и навык. Он всегда есть скрытный враг людей, всегда злокознствует и брани воздвигает против них, и особенно против тех из них, которые теперь рождаются, потому что **теперешние не только не имеют никакой опытности в борьбе с диаволом, но совсем и понятия не имеют о брани диавольской и об искусности в ней диавола**. Почему и когда явно он бьет их, они того не видят, и когда скрытно их устреляет, не чувствуют; он является ангелом света, а покрывает их тьмою. Так сделался он, как я сказал, очень искусным в борьбе с человеком. Конец же и цель, для которой ведет он сию брань с человеком, велика и страшна. Вначале, отделив и отдалив род человеческий от Бога, он

^б *Симеон Новый Богослов, прп.* Творения. Т. 1. С. 355–357. Приводится в сокращении.

теперь всячески напрягается и хлопочет о том, чтоб не допустить его опять возвратиться к Богу, но всегда удерживать в отдалении от Него. И, если случится кому воззвану быть Иисусом Христом и возвратиться к Богу, он, искусный и многоопытный в делании зла, всячески старается опять отдалить его от Бога. По этой-то причине диавол сделался многоискусен в воевании с людьми и воует с ними **пятью кознями: еллинством, иудейством, ересями, противоправославным образом жизни и (неразумными) подвигами добрых деланий** . Еллинством прельщает людей, любящих так называемую внешнюю мудрость; иудейством прельщает евреев, убеждая их думать, будто они добре веруют, так как чтут единого Бога, чем прельщает он также и агарян; ересями прельщает суемудрых богочтецов, удаляя их от Православия; православных удаляет от Бога худыми делами и жизнью, противною Православию, именно: сребролюбием, сластолюбием, славолубием; опять и подвигами добрых дел и самоохотными лишениями самоумерщвления ввергает он подвижников в гордость, которая есть корень всякого зла, равно как в пристрастие к славе и чести людской. Этою прелестию гордыни, которая есть всех добродетелей истребительница, превращает он и в пропасть низвергает души бедных подвижников, живущих в преподобии и правде, и

некоторых из них уговаривает показывать ревность Божию не по разуму и строгость жизни нерассудительную. Чрез это он делает их тиранами самих себя, и они мучат себя всякими лишениями и злостраданиями, да славимы будут от человек — что достойно крайних слез, потому что они лишаются за то и настоящих, и будущих благ. Пагубность, которой подвергаются все другие люди, о коих мы сказали, ничто в сравнении с потерями, какие несут сии люди. Вот как велика и несравненна наша бедственность! Почему надлежит нам всячески изыскивать, каким бы способом могли мы избежать наветов диавола. Но никаким способом не можем мы избавиться от него, кроме как если прибегнем к Богочеловеку Иисусу Христу со всем смирением души и крайним сокрушением сердца. Тогда Христос Сам будет воевать за нас чрез нас, и мы успокоимся, ибо противостояние и преодоление этого врага нашего никаким другим способом не бывает, как только единым Христом Господом.

Слово восемьдесят седьмое⁷

⁷ Симеон Новый Богослов, *прп.* Творения. Т. 2. С. 449–450. Приводится в сокращении.

Кто изгнал лукавого из души своей великими подвигами, смиренномудрием, многими болезненными трудами, плачем и слезами, а потом опять попустил себе обольститься его внушениями, и это прежде, чем заведомо ему возобитал в нем Христос, и прежде, чем стяжал он истинное, всуществленное, смирение; тот **опять принимает к себе самого дьявола, который входит в него без ведома его по причине самомнения и гордости. Такой не может прийти в чувство и познать грехи свои и зло, которому подвергся. Ибо дьявол закрывает очи души его и не дает ему познать гордости, которая властвует над ним** . Тогда дьявол не нудит его на плотские сласти, ни на чревоугодие или сребролюбие и многостяжание (ибо эти страсти некоторым образом смирительны, наводят стыд и отнимают у совести побежденного ими всякое дерзновение, хотя бы его хвалил и величал весь мир яко святого), но побуждает его держать посты, бдения, всенощные стояния, нестяжание, спание на голой земле, немытость и все другое, что, как знает он, может возвращать страсть гордыни. Ибо такие дела, если не бывают построены на основании хриstopодражательного смирения, высят душу до небес и тем низвергают ее в бездну. Она думает, что возвышается, — на деле же бывает, что насколько она высится, настолько падает и